

ДИСЦИПЛИНИРУЯ ПОСТСОВЕТСКОЕ ТЕЛО ГОРОДА: «ОГРАДЫ» И «МОСТЫ» ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Анна Широканова, Александра Яцык¹

Abstract

The article addresses post-Soviet transformation of urban public space as part of the society's public sphere. Drawing from an actor-network theory and concepts of social production of space (Lefebvre, de Certeau) and territorial production (Kärholm), the authors analyze the transformations of public places in Minsk, Vilnius and Kazan. The focus of the study is the idea of «fence» as a means of regulating a city's symbolic – and public space. The article argues that the use of barriers and, notably, bodies as barriers has led to developing a specific set of strategies of «disciplining» of the public sphere and practices of resisting them in post-Soviet cities.

Keywords: post-Soviet public space, fence, post-socialist city, territorial production.

Нахождение в пространствах города очевидным образом обращает нас к проблеме порядка, его установления, восприятия, нарушения и изменения. Ограды – материальные либо символические – служат воплощением порядка. Сегрегируя и исключая, они разделяют общее коммуникативное тело города на множественные потоки и направляют их. Однако что означают эти границы в современном постсоветском городе? Как написаны они в логику постмодерной капиталистической эстетики наблюдения и дистанции? Как возможно их преодоление и как осуществляются переходы между ними?

Статья является попыткой ответить на эти вопросы сквозь призму изучения постсоветской трансформации пространства в трёх столицах: Вильнюсе, Минске и Казани². Мы

¹ Анна Широканова – магистр социологических наук, преподаватель кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Александра Яцык – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева (г. Казань, Российская Федерация).

² Казань является столицей Татарстана – субъекта Российской Федерации, в 1994–2007 гг. – с расширенными политическими полномочиями (договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан»).

называем этот транзит «постсоциалистическим»³; фокус нашего внимания направлен на то, как формирующиеся в этот период новые режимы дисциплинирования *публичного* присваиваются в повседневных практиках городских жителей через создание собственных маршрутов и «избегание контроля» (де Серто). Эмпирическую базу исследования составили различные нормативные документы постсоветского периода, регламентирующие жизнь этих трёх городов, – *Генеральные планы, Концепции, Стратегии развития*, реестры переименованных улиц, отдельные муниципальные программы; официальные и неофициальные интернет-источники и медиа-издания, в которых обсуждаются проблемы трансформации городского пространства; мнения экспертов и «простых» жителей, а также непосредственное наблюдение авторами случаев повседневного проявления/ограничения публичного в городе: в зашторивании окон, сидении на траве или протестных акциях – на площадях, улицах и в скверах, перед правительственными и ведомственными учреждениями. Не ставя перед собой задачу всеобъемлющего описания и объяснения происходящих в наших городах процессов, мы хотели бы увидеть не столько то специфическое или то общее, что могло бы быть типизировано как режимы постсоциалистического дисциплинирования, сколько возможности для повседневного преодоления этих границ, визуализируемые ресурсы «социального (демократического?) воображения».⁴

Порядки города: настройка оптики

Как живёт современный город? По мнению теоретиков урбанизма, рассуждения о его жизни плохо укладываются в прежний концепт социопространственной системы с жёсткими границами и чёткими структурами.⁵ Города сегодня видятся скорее агломерацией потоков глобальных и локальных взаимодействий⁶, гетерогенными полями, нежели единым целым. Их физические и символические границы мобильны, изменчивы и ситуативны, а вопросы о сохранении сообществ, поддержании локальных порядков, публичности и приватности получают новую окраску, сталкиваясь с необходимостью объяснения возникающих в социальной ткани множе-

³ Andrusz G., Harloe M., Szelenyi I. (eds.) *Cities after socialism: urban and regional change and conflict in post-socialist societies*. Oxford; Cambridge, Mass., USA: Blackwell, 1996.

⁴ Фурс В. Введение. Трансформации публичности и постсоветская ситуация // М. Соколова, В. Фурс (ред.) *Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Вильнюс*: ЕГУ, 2008. С. 14; Трубина Е. «Чей это город?» Визуальная риторика демократии в представлениях горожан // Н. Милериус, Б. Коуп (ред.) *P. S. Ландшафты: оптики городских исследований*. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 354–378.

⁵ Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // *Логос*. 2002. № 3(34). [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html>. Дата доступа: 30.03.2010 г.

⁶ Ritzer G. *Globalization of Nothing*. Newbury Park, CA, 2004. P. 166–188.

ства новых, гибридных форм.⁷ Именно город является средоточием того, что по отношению к прежнему режиму социальности выражается через «не»: не-мест, не-людей, не-вещей, не-услуг⁸, – представляющих новый для постсоциалистических городов порядок и делающих приметы капитализма предметом восхищения. В этих новых взаимодействиях люди занимают вовсе не единственное место. Нечеловеческие актанты (Б. Латур): знаки, светофоры, камеры наблюдения, банкоматы, тротуары, стены, заборы и здания – оказываются неотъемлемой частью производства социальных ритмов и структурирования городского пространства.⁹ В именовании маршрутов, прокладываемых горожанами с их помощью (и вопреки их влиянию), город становится узнаваемым и наделяется памятью.¹⁰

Память о городе – это память «места»; она всегда окрашена территориально, даже будучи лишённой материального воплощения. «Места» в городе – продукт социальный, результат совместного действия по территориализации некоего пространства различных актантов: людей, правил поведения, артефактов.¹¹ В этом смысле территориальность можно понимать как особый род власти, использующей пространства как ресурс.¹²

Постоянное (вос)производство территорий и их [материальных] границ, проявляющее порядки современного города, отражается в планах, стратегиях, ментальных картах и повседневном взаимодействии горожан. В своей совокупности и пересечениях друг с другом они образуют порядок символический, всегда подразумевающий разделение на тех, кто наделён правом «именования и кодификации», и тех, кто его не имеет.¹³ Основанное на кодификации символическое насилие пронизывает повседневную жизнь, принимая вид легитимации, которая одновременно и «неузнаваема», и признаваема легитимной.¹⁴

В городском пространстве операция кодификации может быть понята как право именованья границ территорий и установления неявного контроля над ними через формы *территориального производства*. Так, М. Шерхольм разделяет формы, связанные с намеренными попытками маркировать или ограничить территорию (*территориальные стратегии и тактики*), и формы, где

⁷ Merriman P. Driving Places: Marc Augé, Non-Places, and the Geographies of England's M1 Motorway // *Theory, Culture & Society*. 2004. Vol. 21(4/5). P. 145–167; Sheller M., Urry J. Mobile Transformations of 'Public' and 'Private' Life // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20(3). P. 107–125.

⁸ Ritzer, op. cit.

⁹ Kärholm M. A Conceptual Discussion of Territoriality, Materiality, and the Everyday Life of Public Space // *Space and Culture*. 2007. Nov. Vol. 10, № 4. P. 439–440.

¹⁰ Амин, Трифт, указ. соч., с. 18.

¹¹ Kärholm, op. cit., p. 440.

¹² Ibid., p. 439.

¹³ Бурдьё П. *Начала*. М., 1994. С. 133.

¹⁴ Thompson J.B. Editor's Introduction // Bourdieu P. *Language and symbolic power*. Polity press, 1991. P. 23.

производство осуществляется через использование городских вещей (*территориальные ассоциации и апроприации*).¹⁵ Территориальные стратегии воспроизводят безличный контроль посредством вещей и правил, дистанцированных от своих создателей, а тактики, наоборот, возникают как личное взаимодействие с местом и являются частью текущей повседневности. В свою очередь территориальные ассоциации и апроприации связаны с неинтенциональным взаимодействием с территорией среди «банальности» повседневных действий (в лефевровском смысле). Территориальная апроприация производит территории через систематическое, повторяющееся использование места как «собственного» человеком или группой, а территориальные ассоциации производят места как специфические конвенции и регулярности, формирующие определённую сторону их функциональности. В этом смысле *территориальную власть* можно понимать как различные комбинации этих форм производств пространства, которые могут проявляться в одном и том же месте, а возникающие в данном месте *порядки* – как дисциплинарные действия власти по стабилизации *тела* города как сетевого взаимодействия правил и регуляций, границ, территорий, стен, замков, тротуаров, норм поведения.¹⁶

В приложении к пространству города очень важно понятие общественного – не принадлежащего никому конкретно, но находящегося под всеобщей заботой.¹⁷ Таким образом очерчивается круг вещей, за которые горожане готовы нести ответственность. Публичные места – площади, рынки, улицы, городские объекты – места столкновения и взаимодействия множественных городских нарративов и дисциплинарных практик, которые переходят в различные режимы благодаря «мостам» и «оградам». Противостояние нарративов, включающее оспаривание права на название и использование городских объектов¹⁸, выражается через выстраивание «оград», как неживых (от бордюров и ограждений до планирования улиц города), так и живых (люди, собравшиеся на митинг, выстроившиеся в колонне демонстрации). Столкновение и воплощение «оград» представляет собой конфликт различных способов территориального производства. «Мосты» возникают в ситуации совпадения значений различных городских нарративов в проявлении заботы о каком-либо городском объекте как «общем деле». В свою очередь, отказ от заботы, тотальное её делегирование отчуждают жителей города от той реальности, в которой проходит их повседневность и утверждаются фоновые практики и оптики.

¹⁵ Kärholm, op. cit., p. 441–443.

¹⁶ Ibid., p. 443.

¹⁷ Habermas J. The Public Sphere: An Encyclopedia Article (1964) // *New German Critique*. 1974. № 3. P. 49.

¹⁸ Shirokanova A. Making Sense of the Post-Soviet Capital: Politics of Identity in the City of Minsk // *The Anthropology of East Europe Review*. 2010. Vol. 28, № 1. P. 355–387.

Постсоветский город, переживший со сменой политических режимов разрыв социальной памяти, характеризуется разорванностью нарративов социальных групп и конфликтностью восприятия публичного пространства. В радикальной ситуации, когда различные нарративы соединяет только физическая данность города, можно говорить о «расщеплённом» городе, проживаемом как разные города неравными по власти группами людей. Более того, выраженное расщеплённое сознание, последовательно разделяющее публичное и приватное, создаёт автономную «теневую социальность»¹⁹, в результате чего отмирает сам город как особый дискурс.

Взгляд на публичное в городе как на результат разнонаправленных территориальных производств, как на процесс их стабилизации в качестве сети позволяет, перефразируя Лефевра, «не объяснять власть самой властью»²⁰ в том смысле, что процесс дисциплинирования здесь может пониматься не линейно-векторно, а как властный ландшафт. В этом случае наш взгляд сфокусирован на исследовании не пространства внутри границ публичного, а на самих этих границах, их установлении – что кажется гораздо более адекватным современному устройству городов, постсоциалистических в частности.

Движущаяся структура постсоциалистической публичности: случай трёх столиц

Социетальный коллапс 1990-х гг. и последовавшие за ним радикальные социальные трансформации подразумевали также и поиск ориентиров в дисциплинировании складывающихся новых (и остающихся старых) структур «бывшего социалистического» города. На уровне культурных нарративов это означало необходимость выстраивания видения собственного места в расширившемся мире социальных взаимодействий и вещей, что нашло своё материальное отражение в значительной модификации постсоциалистического городского тела. Эти трансформации особенно заметны в городах, приобретших в постсоветский период статус столиц и потому вынужденных приспосабливаться к новым условиям более интенсивно. В этом смысле особый интерес для нас представляют случаи подобного «приспособления» трёх таких разных по своим характеристикам городов, как Минск, Вильнюс и Казань, – городов, имеющих в своём развитии общее социалистическое прошлое и, на первый взгляд, отличное настоящее. Городским локусом, концентрирующим данные различия, может служить состояние публичного не только как индикатор освоения пространства города жителями как «своего» (где можно «не только смотреть и пользоваться, но создавать и решать»), но и как показатель степени самооргани-

¹⁹ *Постсоветская публичность: Беларусь, Украина*. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 17–18.

²⁰ Kärholm, *op. cit.*, p. 443.

зации и развития городского сообщества в эпоху гетерогенности городской среды и всеобщей ориентации на благосостояние.²¹

В самом общем смысле *публичное пространство* можно определить как место соприсутствия незнакомцев, пространство межперсональной сферы социальности, доступное разным типам социальных групп и разным видам активности.²² Именно (не)доступность этого пространства оказывается тем маркером, который обозначает его границы²³, а смысл этого ограничения связан с выстраиванием взаимодействия сферы гражданских интересов и государства (власти). Постсоциалистические города в этом смысле, несомненно, представляют особый случай. Объединённые не столько предопределённостью, сколько общностью недавней предыстории общественного развития²⁴ и долговременным влиянием синхронизирующего советского дискурса²⁵, в своём новом настоящем они вынуждены считаться и с общим советским «наследием»: быстрой урбанизацией, советской застройкой и планом города, советской организацией общественной жизни. Чем больше проявлялись эти черты, тем сильнее они врезались в идентичность города, становились его неотъемлемой частью, а значит, продолжались в постсоветском настоящем.

Вильнюс, который по времени меньше Казани и Минска находился в составе СССР, был самым «несоветским» по образу мыслей и логике действий его жителей. В советские времена он казался райским уголком свободомыслия. Не последнюю роль в этом сыграл сам город, его каменное «лицо»: в домах начала XX века, в закрытых дворах-колодцах, на узких мощёных улицах плохо укладывался пространственный советский дискурс, требовавший проспектов и колонн с транспарантами, прямой перспективы и открытости городских территорий. Советская урбанизация значительно расширила Вильнюс, но не затронула Старый город.

Минск был почти полностью перестроен уже после войны. Быстрый рост города и стремительная модернизация придали ему современный облик. Прямые улицы, прорубленные на месте улочек, уничтоженных войной, помогали советскому дискурсу встраиваться и по-новому выстраивать пространство города так, чтобы уже не было углов, скрытых от наблюдения.²⁶ От довоенной мультиэтнической гетерогенности через некоторое время остались,

²¹ Бон Т.Н. «Социалистический город» или «европейский город»: урбанизация и рурализация в Восточной Европе // *Российская история*. 2009. № 1. С. 69.

²² Kärholm, op. cit., p. 446.

²³ Sheller, Urry, op. cit., p. 10.

²⁴ Фурс, указ. соч., с. 16.

²⁵ Милериус Н. *Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах* // Милериус, Коуп (ред.), указ. соч., с. 37–62.

²⁶ Трубина Е. Видимое и невидимое в повседневности городов // П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Визуальная антропология: городские карты памяти*. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 35.

в основном, воспоминания жителей и отдельные строения. Современный Минск обязан советскому строю как своим внешним видом, так и своим обновлением²⁷; он не только воспринял советскую логику выстраивания пространства – он стал ею.

Для Казани, напротив, ресурс (мульти)этничности явился главным в позиционировании в постсоветском пространстве. Удачно избежав эскалации разгоравшихся в 1990-е гг. националистических настроений, Казань сумела занять на тот момент двойственную внутри России позицию (в отличие от Чечни – мирную) – как субъект Российской Федерации, имеющий свою конституцию, президента, госдуму и министров. Сыграв во время войны роль форпоста эвакуированных из «центров» науки и промышленности и не испытав опыта военного разрушения и оккупации, Казань менее болезненно воспринимала советское прошлое и не спешила, в отличие от Вильнюса, расставаться с его напоминаниями. Центральная улица – имени Ленина – была переименована только в 1996 году, а скульптура вождя мирового пролетариата стоит на главной площади города и по сей день.

Массовый переворот в топонимике городских улиц, отражавших советскую символику, произошёл в 2005 г., когда Казань праздновала своё официальное тысячелетие. Материализовавшимся символом её постсоветских амбиций явилась «самая большая в Европе» мечеть Кул-Шариф. Размещённая внутри старинных стен кремлёвского комплекса, она стала новой визуальной доминантой города, глянцевым китчем, вызвавшим множественные нарекания со стороны горожан за свою неуместность и олицетворившим новый агрессивный стиль капитализирующейся Казани. Однако более симптоматичным признаком постсоциалистической трансформации стало последовательное уничтожение исторического центра XIX – начала XX вв., пережившего трансформацию советскую, но не устоявшего перед капиталистической. Целые улицы старинных домов были стёрты с лица города, а его обитатели – переселены на окраины в совершенно новые для себя условия социокультурной реальности. Возникавшие же на их месте строения мгновенно обносились оградой, чётко маркируя территорию. Значимость физических оград-маркеров была вызвана, в том числе, и отсутствием на протяжении девяти лет общей градостроительной концепции в городе (срок Генерального плана Казани 1969 года истек в 2000-м, а следующий принят только в 2009 г.). Первые частные элитные дома, возникшие на месте бывших публичных пространств – пляжей и прибрежных зон в центре города, – своими высокими заборами и тонированными стеклами больше походили на крепости.

В Минске пик переименований также пришёлся на 2005 год. Ленин не исчез с площади Независимости, но в честь 60-летия Победы разом переименованы два главных проспекта. Как проспект Независимости и проспект Победителей, они стали в большей

²⁷ Клінаў А. *Малая падарожная кніжка по Горадзе Сонца: Раман*. Мінск: Логвінаў, 2008. С. 107.

степени отражать встраиваемый порядок власти. В Вильнюсе же крупные переименования произошли сразу, в 1990–1991 гг. Снятие памятника Ленину явилось важным культурным событием, символическим актом²⁸, однако на его месте до сих пор ничего нет, и по этому поводу не прекращаются общественные дебаты. Новым зданием, манифестирующим власти Литвы, стал отстроенный к 2009 г. Королевский замок, почти легендарный, воссозданный по обрывочным сведениям.²⁹ Похожий «культовый» статус обрела и новая Национальная библиотека в Минске, построенная к 2004 г.

Эти примеры хорошо иллюстрируют, как в постсоветский период происходило выстраивание границ территорий – и приватизация публичного пространства в частности. Как показывает К. Станилов на материалах городов Восточной и Центральной Европы, включая Вильнюс, тенденции пространственного изменения городов были примерно одинаковы и представляли собой смесь дисциплинирующих паттернов социалистического наследия и постмодернистской капиталистической логики.³⁰ Очевидным образом сегодня это проявляется в стратегиях территориального производства – генеральных планах и программах развития исследуемых городов: при общей декларативной ориентации на базовый для современного (европейского, глобального) города концепт «устойчивого развития», предполагающий определённое осознание своего положения в пространственно-временном контексте³¹, методики достижения этого состояния во многом остаются советскими. В результате, такие постсоветские проблемы развития, как деиндустриализация (пусть в меньшей мере, но всё же характерная и для Казани и Минска) и, как следствие, запустение огромных территорий, кардинальное развитие транспортных и туристических потоков, интенсивное освоение пригородных территорий, оказываются нерешёнными.³²

С одной стороны, социалистическое публичное пространство приватизировалось сферой частных экономических интересов, маркируя пространства улиц, площадей, скверов и пустырей тор-

²⁸ Милериус, указ. соч., с. 57.

²⁹ В постсоветский период независимости в Вильнюсе также построен комплекс небоскребов вокруг площади Европы, однако данная застройка находится не в историческом центре города и манифестирует, на наш взгляд, скорее современную принадлежность страны к Европе, чем национальную независимость.

³⁰ Stanilov K. Taking stock of post-socialist urban development: A recapitulation // K. Stanilov (ed.) *The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*. Dordrecht: Springer, 2007. P. 9.

³¹ Hofmeister S. Intermediate 'Time-spaces'. The rediscovery of transition in spatial planning and environmental planning // *Time & Society*. 2002. Vol. 11, № 1. P. 106.

³² Дембич А.А., Давыдов В.А. Интегрированная модель разработки документов по управлению развитием территорий // *Известия КазГАСУ*. 2009. № 1(11). С. 47.

говыми киосками, летними кафе и рынками.³³ И когда прежде зашторенное окно квартиры в доме типичной советской застройки превращалось в стеклянную стену кафе (как, например, в Казани), грань между этими двумя мирами становилась практически невидимой. Тем не менее в постсоветских городах эта граница была очерчена намного более явно, нежели в западном городе, где доступность проходим частного пространства квартиры кажется обычным делом, не привлекающим особого внимания.³⁴ Джентрификация городского центра, в ряде случаев сопровождавшаяся созданием нового городского ландшафта (как в Казани), возросшей мобилизацией населения (более активной в Вильнюсе и менее выраженной в Казани и Минске) и связанной с этим увеличившейся загазованностью улиц, а также строительством торговых центров и моллов – «храмов» позднего капитализма, – значительно переконфигурировала общий вид постсоциалистического публичного пространства, вытеснив людей с улиц и парков в квазипубличные места потребления.³⁵

С другой стороны, само городское тело как комплекс городских вещей, в идеале доступных для пользования каждому горожанину – начиная от пользования землёй и неосвоенными городскими пространствами и заканчивая инфраструктурой ЖКХ³⁶, – оказывалось вовлечено в приватизацию, главным актором которой выступала власть³⁷. В этом смысле, несмотря на лозунги о доступности города для пользования всеми горожанами (так, в нынешней *Концепции развития Казани до 2015 года* приоритетной является программа «Город – для горожан»), восприятие самих жителей этого доступа к участию в «общем деле» совершенно обратное.³⁸ Жители не чув-

³³ Engel B. *Public Space and the «blue cities» of Russia* // Stanilov, op. cit., p. 292–293.

³⁴ Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // *Логос*. 2002. № 3(34). [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/bikbov.html>. Дата доступа: 30.03.2010 г.

³⁵ Stanilov K. *Democracy, markets, and public space in the transitional societies of Central and Eastern Europe* // Stanilov, op. cit., p. 271–274.

³⁶ Калачева О. Общие и общественные вещи современного города // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 55. [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.intelros.ru/2007/12/23/olga_kalacheva_obshhie_i_obshhestvennye_veshhi_sovremennogo_goroda.html. Дата доступа: 30.03.2010 г.

³⁷ Kharkhordin O. *Commonality at Different Levels: Infrastructures of Liberty?* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://blogs.helsinki.fi/respublica/reassembling-res-publica-reform-of-infrastructure-in-post-soviet-russia/> Дата доступа: 30.03.2010 г.

³⁸ Tchouikina S. *The Thousandth Anniversary of Kazan as Common Good and Common Disaster*. Paper presented during the seminar: «Enhancing Democracy at the Local Level: Cross-Cultural Comparisons», International Seminar, European University at St. Petersburg. 12–13 May 2006. (Organizers: E. Ponarin, B. Zimmerman.) В целом, схожую картину показывают и результаты анализа студенческих эссе 2010 г. о публичных местах Казани, собранных А. Яцык.

ствуют себя в состоянии влиять на судьбу города. Показательным примером здесь может служить ситуация празднования тысячелетия Казани в 2005 году, когда власти попросили горожан уехать на это время из города.

Ещё одним красноречивым примером могут быть события в Казани и Минске, связанные со строительством объектов к предстоящему проведению в городах: Универсиады (Казань, 2013) и Чемпионата мира по хоккею (Минск, 2014), вызвавшие публичную дискуссию. В первом случае объекты должны строиться на неосвоенных берегах местных водоёмов – реки Казанки и озера Кабан, а также в городском парке, в местах, находящихся в центре города и до сих пор представляющих собой зоны отдыха для жителей. В Минске же предполагается «интенсивное освоение» и реконструкция значительных территорий в черте города, включая старый парк и усадьбу Лошица.

Дискурс «чистоты» и безопасности в городе и порождаемое им пространство гетерогенности («чистое»/«грязное», «порядок»/«беспорядок») могут быть поняты как значимый маркер стратегии территориального производства публичного, осуществляемого властью. В этом смысле знаменательна официальная программа «Минск – здоровый и чистый город!». При этом современный порядок прозрачности элиминирует всякую инаковость³⁹ и формулирует гражданскую активность как форму зла и загрязнения в чистом городе и обществе. Как замечает А. Сарна,

«чистота столичных улиц есть сигнал, информирующий всех нас о том, что политика исключена, поскольку никакая “грязь” недопустима»⁴⁰.

Очищение улиц как программа выступает и как выравнивание социокультурного пространства, политического и медийного полей. Обратной стороной «чистоты» минского архитектурного стиля и чистоты минских улиц является «катастрофическая нехватка публичных мест»: пешеходных улиц, уличных оркестров, кричащих со стен граффити – словом, всех тех точек, где удовлетворялись бы индивидуальные потребности.⁴¹ В конце 2009 г. принят *Стратегический план развития до 2030 года*, согласно которому город ожидает новый рывок большихстроек, направленных на капитализацию и осовременивание облика столицы. Однако даже в Минске, где «не хватает перекрёстков», где серый цвет и бетон оказывают «закрепощающее воздействие на людское воображение», а наличие общественных мест означает их строгую регуляцию, происходит формирование памятников, несущих в себе дополни-

³⁹ Усманова А. Сексуальность и политика в белорусских масс-медиа // А.Р. Усманова (ред.) *Белорусский формат: невидимая реальность*. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 332.

⁴⁰ Сарна А. Минск – город победившего гламура // *P. S. Ландшафты: оптики городских исследований*. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 337.

⁴¹ Сарна, указ. соч., с. 339.

тельное значение или абсолютно его поменявших.⁴² Яркий пример «уплощения» публичности в Минске – история «стены Цоя». Первоначально она представляла собой отдельные блоки бетонного ограждения строительной площадки Дворца республики – достроенная в 1980-х гг., открывшегося лишь в конце 1990-х. После окончания стройки «стена» (фрагменты ограждения) переместилась на некоторое расстояние от Октябрьской площади, став местом постоянных неформальных встреч поклонников музыканта. Когда же осенью 2008-го, с принятием решения о возведении рядом офисного здания, она внезапно исчезла, люди не переставали интересоваться её судьбой: в исполком города постоянно направлялись просьбы о её возврате. Весной 2010 г. «стена» снова появилась, но уже на набережной около концертного зала «Минск» – подальше от «политического» центра города, но ближе к другим публичным местам и студенческому городку. Подобное создание культового места из части ограждения как пример присвоения в территориальном производстве публичного демонстрирует, почти в делёзовском смысле, возможность возникновения совершенно иного смысла при «изгибании» телесной инфраструктуры. Первоначально имевшая целью дисциплинировать публичное – ибо возводилось новое и, что символично, государственное здание для «главных» торжеств, – позднее ограда-граница была использована сообществом в собственных целях.

Фото 1. Перенесённая стена Цоя в Минске.
Встреча фанатов (15 августа 2010 г.)

В своём анализе территориальности в современном городе М. Шерхольм замечает, что часто одно и то же место может служить средоточием различных форм территориального производства.⁴³ Пример с переносом стены Цоя показывает неприемлемость такого подхода к пониманию публичного пространства для совре-

⁴² Трубина, «Чей это город?», указ. соч., с. 365–370.

⁴³ Kärholm, op. cit., p. 447.

менной белорусской власти. В логике её дискурса, стены в городе должны молчать и транслировать лишь легитимные нарративы. Чёткая территориальная регламентированность «общественного» в городе показательна и в случае с минским «вернисажем»: в отличие от свободно размещающихся на улице вильнюсских художников, вынужденных укрывать свои произведения полиэтиленом от дождя, белорусские художники «смело» выставляют работы под крышей павильонов, расположенных на центральной площади, между музеем Великой Отечественной войны и Дворцом профсоюзов.

Фото 2. Уличные художники Вильнюса

Фото 3. Вернисаж в Минске

«Смещённые» из сквера на площади Свободы, где в 2003 г. была возведена ратуша, минские художники оказались передвинутыми в пространстве и помещёнными в новые рамки деятельности: на сегодняшний день вернисаж является филиалом государственного Комаровского рынка, где художники числятся как выкупающие

право на регулярную работу. В Казани нет подобного ограниченного места для уличных художников, но, как заметил один из них, они работают на своих местах с негласного одобрения городской власти.⁴⁴

Ситуация с дисциплинированием подобных переходных мест, не-мест, в городе является хорошей иллюстрацией логики символического порядка в отношении публичного. Как пишут Запорожец и Лавринец, переходные места в городе – это не только «форпосты контролирующих усилий» в ситуации увеличения рисков и неопределённости городских потоков⁴⁵, но прежде всего попытки контроля над тем, что контролю не поддаётся – над тактиками выписывания собственных смыслов, собственных мест гражданами. Превращение заброшенной городской типографии в художественный и выставочный центр⁴⁶, культурное преобразование квартала Ужупис в бренд «вильнюсского Монмартра», а разваливающегося Дворца культуры железнодорожников – в место проведения концертов и перформансов являются примерами множественного создания мест из не-мест в Вильнюсе, а вместе с этим – и иного комплекса территориальных производств постсоциалистического публичного.

Фото 4. Бывший Дворец культуры железнодорожников в Вильнюсе

Официальная стратегия городского развития, принятая в Вильнюсе на 2004–2020 гг., направлена на формирование диплома – своеобразного компромисса между старой и новой сто-

⁴⁴ Из интервью с казанским художником; личный архив А. Яцык, 2005 г.

⁴⁵ Запорожец О., Лавринец Е. *Драматургия городского страха: риторические тактики и «бесхозные вещи»* // Р. С. Ландшафты: оптики городских исследований. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 101.

⁴⁶ О подобной стратегии см.: Викери Дж. Возрождение городских пространств посредством культурных проектов – синтез социальной, культурной и городской политики // П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Визуальная антропология: городские карты памяти*. М., 2009. С. 222.

лицей страны. Планируется, что Вильнюс будет встроен в большую систему инфраструктуры и коммуникаций с Каунасом. Хотя эксперты городского планирования отмечают волонтаризм подобного решения⁴⁷, идея диполиса – это способ согласовать столичный статус Вильнюса с конкурентным Каунасом. Тактики формирования публичного пространства оказываются здесь завязанными на культурное единство и человеческий ресурс. Сегодня многие литовские специалисты работают в двух городах одновременно, а Вильнюс, хотя город и являлся культурной столицей Европейского Союза в 2009 с девизом «Живая культура!», всё же находится, по современным меркам, на краю Европы.⁴⁸ Актуальная стратегия развития Вильнюса – это сочетание обезличивающего капитализма и реабилитации городских пространств через «креативное использование» важных исторических событий и опустошённых мест «без власти». Город и теперь непредсказуем: темнота означает опасность, но ночная жизнь бурлит.

Заключение: «тела» и [как] публика

Классическая идея Хабермаса о публичной сфере как материальном воплощении требования буржуазии, предъявленного к рациональному и прозрачному дискурсу и реализованного в городских салонах и кофейнях, сегодня подвергается сомнению и пересмотру. Дж. Александр подчёркивает, что фундаментом современного гражданского общества является отнюдь не конкретная публика в ситуации личного общения. Теперь это скорее *идея* подобной публики, которая вживилась в социальную субъективность как структура чувствования, регулятивный принцип. Нормативной отсылкой публичной сферы при этом выступает культурная структура, дискурс гражданского общества.⁴⁹ Этот тезис специфическим образом преломляется сквозь призму актор-сетового подхода, согласно которому в рамках широкого определения гражданского общества отношения между индивидуальным и государственным во многом зиждутся на включённости горожан-граждан в общее дело (по поводу значимых городских вещей). Это общее дело имеет моральные основания и создаёт социальное тело города из взаимодействий и практик граждан как его составляющих наравне с улицами, дорогами и другими привычными актантами городского пространства.⁵⁰ Урбанисты, такие как, например, Э. Соджа, также отмечают, что социальные отношения остаются нереализован-

⁴⁷ Altrock U. *Spatial planning and urban development in the new EU member states: from adjustment to reinvention*. Ashgate Publishing, Ltd., 2006. P. 93.

⁴⁸ Briedis L. *Vilnius: City of Strangers*. Vilnius: Baltos lankos, 2008. P. 12.

⁴⁹ Alexander J. *The Civil Sphere*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 72.

⁵⁰ *Res publica: возрождение интереса // Неприкосновенный запас*. 2007. № 55. [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.intelros.ru/2007/12/23/res_publica_vozrozhdenie_interesa.html. Дата доступа: 30.03.2010 г.

ными, пока не получают конкретного выражения и не вписываются материально и символически в обитаемое пространство.⁵¹

Для создания гражданского общества необходим определённый консенсус в отношении идеи публики, которая действовала бы как нормативный регулятор и обеспечивала взаимный контроль конкурирующих организаций, преданных публичной сфере в отношениях между собой и с государством.⁵² По мнению В. Фурса, особенностью постсоветских обществ является слабость именно этого слоя социальных практик прозрачного рационального взаимодействия, его подверженность деформациям со стороны двух других слоёв: «высокого» дискурса, с одной стороны, и повседневности – с другой. В этом ключе важно понимать, что относительная сила (или слабость) постсоветского государства определяет его способность моделировать этот уровень рациональных социальных обменов, текущий статус которых должен не только навязываться сверху, но и находить согласие в «фоновом консенсусе» повседневных практик.⁵³

Как показал Т. Бон, исторически восточно-европейские города становились локусами конкуренции этнических и конфессиональных групп; их отличительной чертой являлась политизация общественной сферы.⁵⁴ Более того, и сегодня, когда население многих восточно-европейских городов в значительной степени гомогенизировано (и этнически, и конфессионально), проблема чрезмерной политизации не перестаёт быть актуальной, несмотря на то что исследователи подчёркивают необходимость более широкого понимания публичной сферы, её деполитизации и признания прав групп «политически беззаботных», утверждающих иные этические и эстетические порядки.⁵⁵

Специфика социалистической урбанизации, или «недоурбанизации» (согласно Селеньи и Бону), складывавшейся в отсутствие таких классических черт западного города, как социальное разнообразие, высокая плотность населения, маргинализация компактно проживающих меньшинств, субурбанизация, агломерация и включённость горожан в практики дебатов о формировании городского пространства, – привела к тому, что в постсоветском городе образ жизни приобрёл значимые провинциальные черты в виде форм социального контроля, занятий горожан и способов их коммуникации.⁵⁶ В конечном итоге, по мнению Бона, в культурном плане со-

⁵¹ Соя Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? // *Logos*. 2008. № 3. С. 133.

⁵² Habermas, op. cit., p. 55.

⁵³ *Постсоветская публичность: Беларусь, Украина*. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 15–19.

⁵⁴ Бон, указ. соч., с. 68; Szelenyi I. *Cities under Socialism and After // Cities after socialism: urban and regional change and conflict in post-socialist societies*. 1996. P. 286–317.

⁵⁵ Трубина, «Чей это город?», указ. соч., с. 371, Фурс, указ. соч., с. 19.

⁵⁶ Бон, указ. соч., с. 73; Коуп Б. Призраки Маркса: бродя по Минску по следу Деррида // А.Р. Усманова (ред.) *Белорусский формат: невидимая*

ветская урбанизация означала рурализацию городского пространства⁵⁷, чьи отпечатки в виде воспроизводящихся пространственных советских методик структурирования и дисциплинирования мы находим и в современном планировании. Следовательно, быстрый рост советских городов вовсе не должен был означать развития публичной сферы.

Постсоциалистическое пространственное развитие характеризовалось прежде всего пересмотром отношений между публичным и частным.⁵⁸ Несмотря на общее социалистическое прошлое, дисциплинирование публичного пространства и укоренённой в нём публичной сферы как территориальное присвоение по-разному происходило в Минске, Вильнюсе и Казани. Основным отличием при этом явилась мера комплексности преобразований различных форм территориального производства публичного, которая в большей степени нашла своё выражение в постсоциалистической трансформации Вильнюса и в меньшей – Минска. Казань здесь представляет некий промежуточный вариант, где визуальное городское разнообразие и эклектика капитализации не подразумевают свободы в публичной сфере рациональных дебатов.

В этом смысле отсутствие оград в городе вовсе не означает открытости публичному взаимодействию. Опыт известных минских «цепочек несогласных» в 2000-х гг., выстраивающихся как выражение протеста против сжимания и непрозрачности публичной сферы, люди, бросающиеся под экскаваторы в знак протеста против строительства трассы на «местах памяти» в Куропатах в 2003 г., а также ситуация белорусских выборов 19 декабря 2010 г. показывают, что даже в абсолютно просматриваемом властью пространстве официальных площадей и открытых мест могут возникать иные смыслы социального. *В отсутствие возможности говорить тела людей, как живая ограда, материализованный маркер границ территории публичности, говорят сами за себя.* Недавние события на центральных площадях в Москве и Минске продемонстрировали очевидный диссонанс между существующими в постсоциалистических пространствах режимами публичного: [нео]советского, пустого, «безопасного» и просматриваемого – и складывающегося «пост-»: альтернативного, заполненного, диалогического.⁵⁹ «Официальное» баррикадирование Триумфальной площади в Москве – места ежемесячных митингов в защиту свободы со-

реальность. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 519.

⁵⁷ Бон, указ. соч., с. 73.

⁵⁸ Stanilov, *Democracy, markets, and public space*, op. cit., p. 271.

⁵⁹ По рассказам очевидцев события, представители команд кандидатов в президенты Республики Беларусь, пришедшие на площадь, всячески подчёркивали мирный характер своего обращения и намерение вступить с существующей властью в переговоры, что вызывает аналогию с хабермасовской идеей публичной сферы как пространства рациональных дебатов; см., напр.: [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://222.by/ya-byl-na-ploshchy-gollivud-s-nami>. Дата доступа: 20.01.2011 г.

браний – «в связи со строительством подземных гаражей»⁶⁰, «необыкновенное» «освобождение» Красной площади в новогоднюю ночь от традиционных «толп» мигрантов⁶¹ или организация катка на Октябрьской площади в Минске в преддверии «выборов» являют нам схожие механизмы дисциплинирования замкнутого городского пространства. Логика «здравого смысла» и апелляция к нуждам городского переустройства странным образом напоминают рассказ о Шерлоке Холмсе, в котором в результате чрезвычайного «ремонта» внезапно «пришлось» разобрать стену комнаты и переселить героиню спать на кровать, привинченную к полу.⁶² В данном случае власти, применяя стратегию «вытеснения», как бы «подсказывают» гражданам, где и как следует выражать свою гражданскую позицию.

Вопрос о том, есть ли пределы качественной характеристики границы, за которой публичное становится таковым, остаётся открытым. Массовые митинги позволяют людям непосредственно переживать опыт публичности, «бытия с другими».⁶³ В постсоветских условиях ситуация «площади» создаёт общественный резонанс, однако поднимает вопросы системности и эффективности подобного структурирования публичного пространства. Другой площадкой предположительно остаётся интернет⁶⁴, где существующие формы гражданского общения по поводу общих вещей сочетаются с новыми механизмами публичного участия (и здесь растущее значение приобретает уже вопрос современного цифрового неравенства). В этом смысле современные практики постсоветской городской публичности включают в себя как традиционные формы непосредственного взаимодействия, так и новый, опосредованный, диалог. Живые и неживые ограды выступают актантами дисциплинирования городского тела, но могут кардинально менять своё (на) значение в ситуации «моста», возникающего в точке пересечения «общих мест», как средоточие городского дискурса и выстраивания публичного пространства.

⁶⁰ См., напр.: <http://news.ru.msn.com/local/article.aspx?cp-documentid=155729640>; подробнее о проекте «Стратегия 31» см.: *Грани.Ру* [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://grani.ru/Politics/Russia/activism/strategy31/> Дата доступа: 20.01.2011 г.

⁶¹ См., напр.: <http://zyalt.livejournal.com/340115.html>.

⁶² См. рассказ Конана Дойла *Пёстрая лента*.

⁶³ Михеева Л. Площадь: жертвоприношение по-беларусски // *Новая Еўропа* [Электронный ресурс] Точка доступа: http://n-europe.eu/article/2010/12/28/ploshchad_zhertvoprinoshenie_po_belarusski. Дата доступа: 28.12.2010 г.

⁶⁴ Там же.